

**ОТ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО К Р.Л. СТИВЕНСОНУ:
О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИАГНОЗАХ И
ПРОГНОЗАХ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ****НАТАЛИЯ ГОНЧАР-ХАНДЖЯН**

Нравственная и психологическая проблематика, мотивы, характеры прозы Достоевского еще при жизни писателя вышли далеко за пределы национальной литературы, Определенное воздействие проза Достоевского оказала, в частности, на Р.Л. Стивенсона, в художественных текстах которого, вслед за Достоевским, ставятся волнующие вопросы современности (самоубийство и душа, дуализм, внутренняя расщепленность личности, проблема множественной личности и др.) и подсказаны ключи к их разрешению. В статье представлен ряд наблюдений по двум темам (двойничество, самоубийство), сближающим Стивенсона с Достоевским, писательские разработки обеих тем соотнесены со сферой интересов и работ современной научной психологии.

Ключевые слова: *Достоевский, Стивенсон, мотив, сюжет, душа, психология, двойничество, самоубийство*

Идеи, сюжеты, мотивы, характеры, философская, нравственная, психологическая проблематика в творчестве великого русского классика Федора Достоевского еще при жизни писателя вышли далеко за пределы национальной литературы, существенно повлияли на становление новой европейской литературы, обозначили векторы развития экзистенциальной мысли на Западе, стали источником, из которого черпают философская мысль и психологическая наука. Скоро уже полтора столетия, как и научная, и практическая психология (психиатрия, психотерапия) в своем развитии и в своей возрастающей роли проявляют большую и разностороннюю заинтересованность в человековедческом и, добавим, обществоведческом опыте, отразившемся в гениальной прозе Достоевского, произведения которого питали и продолжают питать психологическое знание о человеке. Психология бессознательного и психология личности, жизненных ситуаций и путей, гештальт-психология и транзактный анализ – едва ли не каждая психологическая школа, направление, доктрина, методика, выстраивая свои положения, за подтверждениями обращаются к личности и творчеству Достоевского, к его психологическим (и, в частности, психопатологическим) анализам, диагнозам и прогнозам.

Автор целого ряда трудов по психологии личности, в своих наблюдениях, суждениях, умозаключениях часто обращающийся к фигурам и «материалу» художественной литературы, доктор психологии Е.Ю. Коржова в

статье «Норма и патология личности в жизни и творчестве Достоевского» пишет: «В.М. Бехтерев в докладе, который он сделал в 1913 г., отметил: «Гениальным чутьём и проникновенной художественной интуицией Достоевский наметил ясно и метко важнейшие черты болезненных явлений душевной жизни. Почти все разновидности психического страдания, классифицированные современной наукой, находят для себя яркие, выпуклые иллюстрации в его произведениях. Клиническая правда в большинстве случаев совпадает с данными художественного творчества Достоевского». К. Леонгард, разработавший типологию акцентуаций характера и темперамента, указал, что информация об «акцентуированных личностях», находящихся на грани нормы и патологии, в наибольшей мере имеется в произведениях Достоевского. Впрочем, – заключает Е.Ю. Коржова, – данный вопрос, скорее всего, должен рассматриваться более широко – как представленность в творчестве Достоевского широчайшего разнообразия вариантов личности, понятых в различном ключе. Давая на материале художественной литературы характеристику авторской типологии личности, в основании которой лежит ее направленность, определяющая закономерности протекания жизненного пути, мы обратили внимание на следующий факт. Среди писателей, наиболее достоверно и подробно описавших все проанализированные нами типы личности, пальма первенства принадлежит Ф.М. Достоевскому, не имеющему себе равных в точности и подробности художественного изображения ”вариантов жизни”»¹.

Борьба «добра» и «зла» в сердце и в сознании человека, противоречивость, двойственность его внутреннего мира, свобода выбора и ответственность за него, преступление и наказание, греховность человека и его же стремление к самоочищению, пути губительные и пути спасительные для личности, для души человека – с этой проблематикой творчества Достоевского сближается по темам, сюжетам, «вариантам личности» и «вариантам жизни» персонажей ряда своих произведений младший его современник в европейской литературе, английский писатель-неоромантик Роберт Луис Стивенсон. И этого нельзя не заметить при всей разнице жанрового состава, поэтики, индивидуального стиля и вообще идейно-художественного масштаба и значительности творчества этих писателей. Английский писатель Ричард Олдингтон в своей книге «Портрет бунтаря», посвященной жизни и творчеству Стивенсона (*Portrait of a Rebel. The Life and Work of Robert Louis Steven-*

¹ **Е.Ю. Коржова.** Норма и патология личности в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского.– Известия РГПУ им.А.И.Герцена, СПб, 2015, №174, с.66. Авторы книги «Психопатологические аспекты в творчестве Ф.М.Достоевского» **В.В. Рябов** и **Е.С. Романова** (М., МГПУ, 2007), ставя себе задачей использовать возможности исследования литературного творчества, чтобы обогатить «знания о том или ином психологическом процессе в целом и в деталях», обращаются к произведениям Достоевского как к «кладезу разнообразных знаний о человеке», а **В. Родионов**, оценивая и рекомендуя эту книгу, пишет: «Большой раздел главы “Типология личности в произведениях Достоевского” мог бы украсить соответствующие главы учебников по психиатрии или психологии. Описывая классификацию Леонгарда, авторы обстоятельно иллюстрируют каждый тип акцентуаций примерами из произведений Достоевского» <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200801119>

son), среди писателей, оказавших то или иное влияние на Стивенсона, в русской литературе таковыми видит Тургенева и Толстого, воспринятых Стивенсоном больше через посредников (особенно в беседах с Генри Джеймсом), нежели впрямую, через знакомство с произведениями. Русское издание книги Р. Олдингтона завершается обстоятельным очерком («Судьба Стивенсона») литературоведа Д. Урнова, известного своими работами по британской литературе. Раскрывая здесь суть и характер опосредованной заинтересованности Стивенсона Тургеневым и Толстым, далее Д. Урнов пишет: «Чтобы понять Стивенсона, нужно назвать еще одно имя, которое Олдингтон не упомянул, перечисляя писателей, оказавших на Стивенсона влияние. Это Достоевский. И тут не только влияние, Стивенсон сам до известной степени Достоевский, камерный Достоевский. Ему свойственна особая, действительно напоминающая Достоевского пристальность: общих черт нет, все дробится, путается, давая странный сплав «добра» и «зла». Люди у него не то что там «плохие» или «хорошие», они в самом деле люди. Уберите у Джона Сильвера костыль, старинный кафтан, попугая, и вы увидите в натуре его «проклятые вопросы», над которыми вместе с великим своим современником бился Стивенсон. Поэтому когда прочел он «Преступление и наказание», сила впечатления, по его собственным словам, была такова, что он заболел»². А прочел он этот роман во французском переводе, в 1885 году, когда Достоевского только начинали переводить и практически еще почти не знали в Европе. Под непосредственным воздействием прочитанного романа написан был и напечатан в том же 1885 году рассказ Стивенсона «Маркхейм», герой которого, встав на путь преступления, нарушает библейскую заповедь «Не убий», но, во внутренних диалогах отвоёвав у своего демонического двойника живущую у него в душе частицу добра, как и герой Достоевского, сдается правосудию и одерживает моральную победу. Тогда же Стивенсон пишет идейно-психологически корреспондирующий с «Маркхеймом» рассказ «Олалла», а годом позже, в 1886-ом, появляется и перекликающаяся с проблематикой и психологизмом прозы Достоевского знаменитая «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Все три рассказанные Стивенсоном *истории*, трактуемые, как и многое в прозе Достоевского, с позиций психологической науки и практики, иллюстрируют противоречивость (раздвоенность, дуализм) внутреннего мира человеческой личности, где, по слову русского классика, сталкиваются идеал содомский с идеалом Мадонны.

Обращение к еще одной теме, лейтмотивной в творчестве Достоевского и свое этическое разрешение получающей в романе «Бесы», находим в затейливо-яркой форме у Стивенсона – обращение к теме самоубийства. Стивенсон травестирует ее в цикле рассказов «Клуб самоубийц», заложившем основу своеобразного «культа» *клубной литературы*. Заметим, что произведение это, сюжетно построенное на идее созидательного разрушения, а также, веро-

² Д.Урнов. Судьба Стивенсона. – В кн.: Р.Олдингтон. Стивенсон (Портрет бунтаря). М., Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1973, с.261-262.

ятно, в силу авантюристичности содержания, не отягощенное нравственной подоплекой, приобрело особую популярность в виртуальных организациях, позиционирующих себя как клубы самоубийц, между тем как сам писатель создавал свое ироническое произведение во избежание явлений подобного рода, словно предупреждая об опасности их распространения.

С течением времени вокруг двух сюжетобразующих тем как у Достоевского, так и у Стивенсона (двойничество, самоубийство) сложился психологический дискурс, который выводит их тексты из сферы чисто литературной и дает возможности для вариативных интерпретаций.

Представим несколько наблюдений, соображений относительно диссоциации, раздвоения личности, феномена двойничества каким он явлен у обоих писателей.

Двойник – это зеркальная проекция во внешнем мире и разделенность на противоположности во внутреннем (Super Ego и Id Э. Фрейда, Родитель и Ребенок Э.Берна). При психозе, согласно Фрейду, Id ("Оно") под воздействием впечатлений отрывается от какого-то пласта реальности, т.е. имеет место расщепление психики. Для Фрейда расщепление – результат конфликта, и вопрос заключается в том, как и почему сознательный субъект оказался оторванным.

В современной психологии наличие двойника рассматривается с позиции клинического расстройства, в большинстве случаев диагностируемого как РМЛ (расстройство множественной личности), что парадоксальным образом возвращает нас в сферу литературную. Психотерапевт Н. Мак-Вильямс, автор работ по расщеплению личности, рекомендует проэмпатировать переживаниям человека, страдающего РМЛ, и постигнуть феномен множественной личности, прочитав "Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда", поскольку это дает возможность познакомиться с диссоциативным диагнозом без соответствующего клинического опыта³. На примере оппозиции Джекил/Хайд наблюдаются провоцирующие диссоциацию негативные эмоции («алфавит эмоций» по Э.Кернбергу), а именно: страх-террор, гнев-ярость, дистресс-душевная боль, стыд-унижение, презрение-отвращение. Переход из одного состояния в другое возможен далеко не всегда⁴. Диссоциативное расстройство является печальной привилегией людей одаренных, обладающих, как утверждают ученые-психологи, врожденной сообразительностью, межличностной сенситивностью, находчивостью, коммуникативными навыками, превосходящими средний уровень – «они, как правило, блестящие люди, с ненасытным любопытством относящиеся к себе и к людям»⁵. Собственно, только при таких природных качествах возможен был удивительный и гибельный эксперимент, осуществленный

³ Н.Мак-Вильямс. Психологическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2001 на: <https://www.twirpx.com/file/1865486>

⁴ См.: Полный словарь психоанализа. М., 2008, с.497.

⁵ См.: Н.Мак-Вильямс, там же.

героём Стивенсона доктором Генри Джекилом.

Стивенсон, читавший Достоевского, испытал сильное (до потрясения) воздействие русского писателя, в творчестве которого тема двойничества проходит, начиная с первого произведения – «Бедные люди», где писатель раскрывает характерную раздвоенность внутреннего мира своего персонажа, его две диаметрально противоположные ипостаси – мелкого чиновника и романтического героя, своего рода русской версии гофмановского Ансельма. Тема двойничества получает дальнейшее отражение в зрелых текстах Достоевского: Свидригайлов предстает как альтер-эго Раскольникова, лакей Смердяков – Ивана Карамазова (которому еще и является «черт»). Присутствие «двойника», собственную раздвоенность ощущает Версиков – герой романа «Подросток», «двоится» и Ставрогин, считающий Верховенского своей «главной половиной». Тема раздвоенности, противостояние двойников-антагонистов становятся сюжетом одной из ранних вещей писателя – повести с говорящим названием «Двойник».

Если в случае Стивенсона «Странная история...» – пример научно-психологического инсайта, то повесть Достоевского – скорее философская метафора, проступившая впоследствии у поэтов-символистов в разрезе мифологическом или мистическом. Двойничество в повести Достоевского можно рассматривать еще и в неврологическом, психопатологическом ключе: здесь появление двойника героя – галлюцинация, спровоцированная стрессом. После фиаско, которое он потерпел, непрошеным явившись на день рождения Клары Олсуфьевны и будучи с позором выдворен оттуда, в «мокрую, туманную, дождливую, снежливую, чреватую флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всех возможных родов и сортов»⁶ ночь, Голядкин-старший впервые сталкивается с незнакомцем, который «был не кто иной, как он сам, – сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам» (143). Одним из характерных симптомов расщепления личности являются провалы в памяти, потеря времени, что в случае с Голядкиным предвосхищает появление двойника и в дальнейшем усугубляется, ведя к трагическому для героя финалу. Вот несколько выдержек из текста повести: «...он взглянул и все вспомнил» (122), «вдруг все вспомнил» (137), «неизвестно, сколько времени проведено им в этом занятии» (139), «бежал, не разбирая дороги <...> очнулся на Невском, и то по тому только случаю, что столкнулся с каким-то прохожим» (172), «пообедал, да так и не заметил себе» (208), «очнувшись вдруг, заметил он, что где-то стоит на Литейной» (213), и есть в тексте еще много подобного. Для усиления психологической интриги Достоевский прибегает к фигуре *сна* с самого начала повествования («проснулся ли он или все еще спит, наяву ли и в действительности все,

⁶ Ф.М. Достоевский. ПСС в 30 томах. Т.1. Л., Наука, 1972, с.138. Далее в тексте в скобках страница. При обращении к другим томам издания в тексте в скобках том и страница.

что около него совершается, или – продолжение его беспорядочных сонных грез» (109)); затем наделяет Голядкина тревожным сном-предчувствием, где «известное безобразием и пасквильностью своего направления лицо» (185) выступает в той роли, которую «настоящий господин Голядкин» хотел играть в обществе, но оказался вытеснен собственным двойником: «И все ему рады, и все любят его, и все превозносят его, и все провозглашают хором, что любезность и сатирическое его ума направление не в пример лучше любезности и сатирического направления настоящего господина Голядкина, и стыдят этим настоящего и невинного господина Голядкина, и стыдят правдолюбивого господина Голядкина, и уже гонят в толчки благонамеренного господина Голядкина, и уже сыплют щелчки в известного любовию к ближнему настоящего господина Голядкина» (189). Воспаленное воображение господина Голядкина придает Голядкину-младшему черты обаятельного трикстера – «шалун, прыгун, лизун, хохотун» (172), «плут и обжора» (208), способный за раз проглотить 11 пирожков (см.:173-174); «осклабившись, вертась, семена, с улыбочкой, которая так и говорила всем «доброе вечера» (194), он предстает не реальным конкурентом героя, а фантомом, фантазией, замещающей «Я-реальное» «Я-идеальным», способным добиться расположения Клары Олсуфьевны. Подтверждением этому служит прием с зеркалом – неизменным атрибутом в «двойническом» сюжете (у По, у Стивенсона, у Гессе и др.). Галлюцинирующему сознанию героя *понять загадку, разом разрешить все затруднения* помогает подмена предметов: «В дверях в соседнюю комнату <...>, в дверях, которые, между прочим, герой наш принимал доселе за зеркало, стоял один человек, – стоял он, стоял сам господин Голядкин, не герой нашей повести, а другой господин Голядкин, новый господин Голядкин» (174). Ранее многократно виденное зеркало в результате стресса, вызвавшего к жизни двойника, трансформируется в дверь – выход, который сознание Голядкина, вероятно намеренно, заслоняет двойником, предпочитая выступать «Победителем дракона» (по Э. Берну) через воображаемого двойника-посредника. Та же ситуация с оппозицией зеркало/дверь повторяется и в финале истории, в доме его превосходительства: «В дверях, которые герой наш принимал доселе за зеркало, <...>появился он, – известно кто, весьма короткий знакомый и друг господина Голядкина»(216). В отличие от тандема Джекил/Хайд, связанного неразрывными узами, Голядкин экстраполирует своего двойника-антагониста во внешний мир, удивляясь тому, «как никто здесь не обличит самозванца и подлеца» (196).

Если в новелле Стивенсона налицо пример диссоциативного расстройства, то у героя Достоевского можно наблюдать симптомы синдрома Капгра (см. о нем: <https://dic.academic.ru>), первоначально в специальной литературе описанного как «иллюзия двойников», расстройство, при котором, в частных случаях, больные в зеркале видят незваного гостя, свою

абсолютную копию, и видят в нем угрозу своей репутации и самому существованию. В случае с господином Голядкиным налицо *бред отрицательного двойника*, порожденного шизофренией, что, по общему сговору, и приводит к заключению его в психиатрическую лечебницу.

В западной литературной традиции встреча с двойником трактуется как предвестие беды и гибельного финала, чему примером служат произведения По, Готорна, Мюссе, Уайльда и др. С опорой на теорию транзактного анализа можно предложить вариативную трактовку событиям и образам в новелле Стивенсона и рассматривать нотариуса Аттерсона – персонажа, со знакомства с которым начинается «Странная история..», не как самостоятельного, а выступающего в роли Личности-Хозяина, временно уступившего ведущие позиции субличностям Джекилу и Хайду и позволившему им проявить себя и погубить друг друга, разделившись и столкнувшись в непримиримой борьбе, и тем самым обеспечить фантастической истории реалистический финал.

Через многие произведения Достоевского, в частности через его «великое пятикнижие», проходит тема самоубийства как осмысляемая нравственно и философски. Исследователи творчества Достоевского отмечают, что сам он различал самоубийства «смирненные», «катарсические» и «логические». Неоднократные обращения к этой теме находим в «Дневнике писателя». Здесь в главе первой за октябрь 1876 г. в параграфе III «Два самоубийства» одно из двух описанных по газетам самоубийств – *смирненное*, кроткое (совершившая его послужила прототипом героини повести «Кроткая», в «Дневнике» же чуть позже и помещенной), а в параграфе IV «Приговор» видим самоубийцу логического, *«с рассуждением»*⁷. Тему привлечших его внимание трех октябрьских случаев Достоевский продолжает, развивает, расширяет, затрагивая ряд волнующих его вопросов как духовно, нравственно, так и социально значимого порядка, в главе за декабрь того же года, в параграфах II «Запоздавшее нравоучение», III «Голословные утверждения», IV «Кое-что о молодежи», наконец, в завершающем публицистически развернутую и заостренную здесь писателем тему параграфе V «О самоубийстве и высокомерии», где Достоевский, в частности, пишет: «...истребление себя, возрастающее в интеллигентных классах есть слишком серьезная вещь, стоящая неустанного наблюдения и изучения» (24,43-54). В примечаниях к параграфу «Два самоубийства» читаем следующий фрагмент из воспоминаний о Достоевском Л.Х.Хохряковой: «Федор Иванович был единственный человек, обративший внимание на факты самоубийства; он сгруппировал их и подвел итог, по обыкновению глубоко и серьезно взглянув на предмет, о котором говорил. Перед тем, как сказать об этом в дневнике, он следил долго за газетными известиями о подобных фактах <...> и при каждом новом факте говаривал: “Опять новая жертва и

⁷ См.: Ф.М. Достоевский, ПСС, т.23, с.144-148.

опять судебная медицина решила, что это сумасшедший! Никак ведь они (то есть медики) не могут догадаться, что человек способен решиться на самоубийство и в здравом рассудке от каких-нибудь неудач, просто с отчаяния, а в наше время и от прямолинейного взгляда на жизнь. Тут реализм причиной, а не сумасшествие”» (23, 408).

О самоубийстве думают, рассуждают (а некоторые и совершают его) персонажи большинства произведений писателя. Если самоубийство Свидригайлова можно определить как «катарсическое», самоубийство героини повести «Кроткая» как «смирненное», то противоречивый персонаж романа «Подросток» Крафт, убивающий себя из любви к русскому народу и безысходного осознания его будущности, или приговоренный чахоткой к смерти и пытающийся доискаться ответа на мучившие самого автора экзистенциальные вопросы нигилист Ипполит Терентьев (в романе «Идиот») – «логичные» самоубийцы, готовые на самопожертвование во имя маниакально исповедуемой ими идеи. Ипполит в этом смысле – предтеча Алексея Кириллова (роман «Бесы»). Встреча со Ставрогиным превращает молодого Кириллова, наделенного нежным сердцем и детским смехом, в фанатика с «неподвижной идеей», теоретика «новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей». Человек, по Кириллову, закабален болью и страхом, следовательно, «кто победит боль и страх, сам бог будет» (10,93). Обязав себя «проявить своеволие», убивая себя, чтобы «показать непокорность и новую страшную свободу», Кириллов оказывается жертвой собственной искусственной доктрины, становится в итоге объектом чужих интересов, «гадины» Петра Верховенского. Кириллов, демонстрирующий пренебрежение к благополучию и потребность в страдании, с его жалобой «мало самоубийств», в свою очередь выступает предтечей Ставрогина, желающего, но не способного избежать соблазна «показать великодушные». В этой паре – Кириллов/Ставрогин – имеем случай наблюдаемого психологами «морального заражения», характерного для суицида⁸.

Примером такого «заражения» было массовое вступление в клубы для самоубийц, существовавшие во многих городах Франции еще с конца XVIII века. Игровой элемент (карточный стол, за которым обреченному выпадает роковой туз пик) применяется в подобного рода *товариществах самоубийц*, возникших в XIX веке в Англии, а затем перекинувшихся в Россию. Суицидологами вскрывались и продолжают вскрываться объективные причины и характер таких объединений. При том, что «объединение в подобные сообщества является реакцией на экономические потрясения, поскольку в такие периоды заметен высокий рост агрессии в целом»⁹,

⁸ См.: Э. Дюркгейм. Самоубийство: социологический этюд. М., Мысль, 1994: <https://socioline.ru>book>emil-dy...>

⁹ Подробнее об этом см.: Е.Г.Бортникова, Г.Е.Алпатов. Оценка роста агрессивности населения при нарушении баланса экологической безопасности (на примере исследования подростков) www.science-educati on.ru >article >view

главной причиной самоубийств становятся фрустрированные психические потребности. В наше время, с возникновением альтернативной – виртуальной – реальности проблема самоубийства стала широко обсуждаться в интернете. «Регистрируемся, пишем, убиваемся, делимся опытом», – иронически предлагается на форуме «Клуба Клетчатого Председателя», само название которого – прямая отсылка к известному циклу рассказов Стивенсона «Клуб самоубийц» (izmail.es.). В интернете среди виртуальных клубов знакомств есть и клубы для знакомств с целью совершения группового самоубийства. Таким образом, тема самоубийства, «заразительно» проникающая в сюжеты Достоевского и, рискнем сказать, собирающая различных его героев в своего рода «клуб», получив травестийное отражение в цикле рассказов Стивенсона, актуализируется сегодня как серьезная, тревожная социальная проблема.

Рассказы в цикле Стивенсона объединены фигурой харизматичного и авантюрного принца Богемского Флоризеля, питавшего «склонность к жизни более эксцентричной и насыщенной, чем та, к которой он был предназначен волей судеб»¹⁰. Принц томится в чинном Лондоне, где течением благоприятствующих ему обстоятельств оказывается вовлечен в экстремальный проект и становится членом подпольного клуба самоубийц, основанного для тех, «кто мечтает вырваться из плена жизни, избежав при этом посмертного скандала», или просто страшится произвести «последний жест» и за определенную плату получает гарантию «пристойного и удобного способа сойти <...> с подмостков, так сказать, черного хода на свободу <...>, потайной калитки в царство Смерти» (84). Лень и праздность, провоцирующие на «безотчетную склонность к смерти» объединили в Клубе «определенный человеческий тип: люди в рассвете молодости, со всеми признаками острого ума и чувствительного сердца, но лишённые той энергии или того качества, без которого нельзя достичь успеха ни на одном поприще» (91).

Как ни сомнительны причины, побуждающие к самоубийству, в основе всего, по Стивенсону, лежит «острейшее наслаждение в жизни», «самая сильная из страстей» (102) – страх, позволяющий и самому принцу за судьбоносным карточным столом одновременно с леденящим сердце ужасом испытать «прилив неизъяснимой радости» (91). В образе Председателя, очередной аллюзии на Дикона Броуди – сценарной матрицы самого Стивенсона, – прочитываются черты будущих персонажей писателя – пирата Сильвера и парочки Джекил/Хайд: «Этот человек<...> воплощенная избречетательность<...>. Вот уже три года, как он подвизается в Лондоне на своем полезном и, я бы сказал, артистическом поприще. Причем ни разу ему не довелось навлечь на себя и тени подозрения. Не сомневаюсь ни минуты, что этот человек гениален» (94). Благодаря продуманной стратегии с

¹⁰ Р.Л. Стивенсон. СС в пяти томах. Т.1. М., Правда,1981, с.75. Далее в тексте в скобках страница

жертвы снимается тяжесть самоубийства, убийца выступает всего лишь невольным орудием рока, сам же Председатель (заметим, наживающийся на своей, по словам возмущенного принца, «гнусной торговле человеческими жизнями», с.100) контаминирует с Великим Инквизитором, «взяв на себя их грех» (Достоевский, XIV,236). Избежав заботами находчивого и предусмотрительного Джеральдина верной смерти, Флоризель, «со свойственной ему широтой» (106) решает судьбы всех бывших членов Клуба и тем самым замещает Председателя, уравнившись с Инквизитором – вершителем судеб.

Как видим, вослед повлиявшему на него великому в своих писательских диагнозах и прогнозах Достоевскому Стивенсон в затейливо-трагическом «Клубе самоубийц» по-своему дает диагноз и прогноз получающих распространение в обществе аномальных явлений, умонастроений и устремлений, предвидя их нарастание в будущем и, можно сказать, профилактически предупреждая о том людей.

ՆԱՏԱԼԻԱ ԳՈՆՉԱՐ-ԽԱՆՋՅԱՆ – Ֆ. Մ. Դոստոևսկուց Ռ. Լ. Սթիվենսոնի սոցիալ-հոգեբանական պատրոշումներն ու կանխատեսումները գրողների ստեղծագործության մեջ – Ֆ. Մ. Դոստոևսկու արձակի բարոյական և հոգեբանական պրոբլեմատիկան, մոտիվներ կերպարները դեռևս գրողի կյանքի ընթացքում դուրս եկան ազգային գրականության սահմաններից: Դոստոևսկու արձակը որոշակի ազդեցություն ունեցավ մասնավորապես Ռ. Լ. Սթիվենսոնի վրա, որը, գնալով Դոստոևսկու հետքերով, իր զեղարվեստական տեքստերում բարձրացրեց ժամանակակից իրականության հրատապ հարցեր (ինքնասպանություն և հոգի, դուալիզմ, մարդու անձի ներքին պառակտվածություն, բազմակի անհատականության խնդիր և այլն)՝ հուշելով դրանց լուծման բանալիները: Հոդվածում ներկայացված են մի շարք դիտարկումներ Դոստոևսկուն և Սթիվենսոնին մերձեցնող երկու թեմաների շուրջ (երկվություն, ինքնասպանություն), երկու թեմաների գրական մշակումները կապակցվում են ժամանակակից գիտական հոգեբանության հետաքրքրությունների և աշխատանքների ոլորտի հետ:

Բանալի բառեր – Դոստոևսկի, Սթիվենսոն, մոտիվ, սյուժե, հոգի, հոգեբանություն, երկվություն, ինքնասպանություն

NATALIA GONCHAR-KHANJYAN – From Dostoevsky to Stevenson: on the Social-Psychologic Diagnoses and Prognoses in the Works of the Writers. – The ideological, moral, and psychological problems, motives, and characters of F. Dostoevsky's prose went well beyond national literature during his lifetime. F. Dostoevsky's prose had a particular impact on R. L. Stevenson, who, after Dostoevsky, raised the issues of the contemporary world (suicide and the soul, dualism, split personality, multiple personality disorder, etc.) in his works and suggested keys to their resolution. The article presents a number of observations on two topics (duality and suicide), bringing Stevenson closer to Dostoevsky. The writers' versions of both themes are examined in connection with the sphere of interests and studies in contemporary psychology.

Key words: Dostoevsky, Stevenson, motive, plot, soul, psychology, dualism, suicide